

Лишь только-бъ сварливый языкъ
 Не возмущалъ семьи покойной;
 Гдѣ день и ночь сѣдая мать
 Готова дочери стыдливой
 Седьмую заповѣдь читать;
 Гдѣ дочь внимаетъ терпѣливо
 Совѣту древности болтливой,
 И между тѣмъ, въ тринадцать лѣтъ,
 Въ глазахъ святоши боязливой,
 Полнѣе шьетъ себѣ бешметъ;

Гдѣ безукорная жена
 Глядитъ, скосясь на изувѣра, *)

Гдѣ мужъ, отъ сабли и сѣдла
 Бѣжавъ, какъ тѣнь, въ покой краткомъ,
 Подъ кровомъ мирнаго угла,
 Себѣ растить въ забвеньѣ сладкомъ
 Красу оленьяго чела;
 Гдѣ все живетъ однимъ развратомъ; **)
 Гдѣ за червонецъ можно быть
 Женѣ — сестрой, а мужу — братомъ;
 Гдѣ можно рѣзать и душить
 Проѣзжихъ съ солнечнымъ закатомъ;
 Гдѣ ядъ, кинжалъ, свинецъ и мечъ
 Всегда смѣняются пожаромъ,
 И голова катится съ плечъ
 Подъ неожиданнымъ ударомъ;
 Гдѣ, наконецъ, Кази-Мулла,
 Свирѣпый воинъ исламизма,
 Въ когтяхъ полночнаго орла
 Растерзанъ съ гидрой фанатизма,

*) Почетное титуло, которымъ величаютъ иногда закоренѣлыя старообрядки русскихъ воиновъ. А. П.

**) Частыя необходимыя сношенія казаковъ съ горцами служатъ невольною причиною безпорядковъ, происходящихъ иногда въ станицахъ. Кому не извѣстны хищные, неукротимые нравы чеченцевъ? Кто не знаетъ, что миролюбивѣйшія мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ для усмирения буйства сихъ мятежниковъ, никогда не имѣли полного успѣха? Закоренѣлые въ правилахъ разбоя, они всегда одинаковы. Близкая, неминуемая опасность успокоиваетъ ихъ на время; послѣ опять то же вѣроломство, то же убійство въ нѣдрахъ своихъ благодѣтелей... Черты безнравственности, приведенныя въ семь отрывкѣ, относятся собственно къ этому жалкому народу. А. П.